

4. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации № 575н от 02.11.2012 г. «Об утверждении порядка оказания медицинской помощи населению по профилю «Клиническая фармакология». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru>

5. Федеральный закон № 61-ФЗ от 12.04.2010 «Об обращении лекарственных средств». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru>

6. Руководство по АТС/DDD методологии. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.whocc.no/>.

7. Ягудина Р. И., Куликов А. Ю. Теоретические основы фармакоэкономического метода: анализ «влияния на бюджет» // Фармакоэкономика. – 2011. – Т. 4, № 2. – С. 9–12.

8. Генеральное тарифное соглашение на 2016 год (территориальный фонд ОМС). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.spboms.ru/kiop/main?page_id=338

ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ И ВЗАИМОЗАМЕНЯЕМОСТЬ ВОСПРОИЗВЕДЕННЫХ (ГЕНЕРИКОВ) ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ

О. В. Решетько, К. А. Луцевич, Т. С. Луцевич

**Кафедра фармакологии ГБОУ ВПО «Саратовский государственный
медицинский университет им. В. И. Разумовского» Минздрава России;**

ГУЗ «Областная клиническая больница»

Структура фармацевтического рынка большинства стран формируется из значительной доли воспроизведенных препаратов, выводимых на рынок после истечения срока патентной защиты инновационных лекарственных средств (ЛС). Воспроизведенные ЛС имеют ряд равнозначных общеупотребляемых синонимов – «генерики», «дженерики», «генерические ЛС», «многоисточниковые (мультиисточниковые) ЛС». Несмотря на то, что инновационное и воспроизведенное ЛС содержат одно и то же действующее вещество в одинаковой дозировке и лекарственной форме, эффективность и безопасность генерических препаратов может существенно различаться. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) предлагает применять термин «взаимозаменяемость» (interchangeability) воспроизведенных ЛС. Взаимозаменяемое генерическое ЛС – это терапевтически эквивалентное генерическое ЛС, которым можно заменить препарат сравнения в клинической практике. Терапевтическая эквивалентность означает, что два препарата обеспечивают одинаковый терапевтический эффект и безопасность. Терапевтически эквивалентные лекарственные препараты должны отвечать следующим требованиям: иметь доказанную эффективность и безопасность; быть

фармацевтически эквивалентными; быть биоэквивалентными (БЭ); иметь сходные инструкции по применению; производиться в условиях GMP (Качественной Производственной Практики). Доказанную клиническую эффективность и безопасность устанавливают на основании клинических исследований. При этом оценка БЭ ЛС является основным видом медико-биологического контроля воспроизведенных препаратов [2].

Во многих странах проводится постоянный мониторинг за назначениями ЛС у беременных с последующим анализом и выявлением допускаемых врачами типичных ошибок. Так, в канадском фармакоэпидемиологическом исследовании среди 109 344 беременных, включенных в регистр беременных между 1998 и 2002 гг., было идентифицировано 6,3 % женщин, получавших, по крайней мере, одно ЛС известное своим эмбриофетотоксическим или тератогенным риском. Получено свидетельство, что большинство (73 %) назначений беременным делаются врачами общей практики, в то время как акушеры-гинекологи назначали антибиотики (8,4 %), противозипелитические средства (2,5 %), бензодиазепины (4,3 %), бета-блокаторы (4 %) и ряд других препаратов, включая флуконазол (7,6 %). При этом обращается внимание

на важность образовательных программ для врачей, назначающих ЛС женщинам во время беременности [16]. В контексте использования ЛС во время беременности важно отметить часто обнаруживаемые противоречия как в пределах одной и той же инструкции, так и между инструкциями для генерических продуктов [10, 12]. Норвежские авторы исследовали согласованность между некоторыми примерами генериков в Norwegian Pharmaceutical Product Compendium (в редакции 2007 г.) относительно рекомендации по использованию при беременности. Так, для миртазапина три из четырех рекомендаций были отнесены к категории 2 (оценка польза/риск) и одна к категории 3 (не должен быть использован). Согласно рекомендациям для лоратадина, три продукта были отнесены к категории 2 и два – к категории 3. Информация об одном из содержащих эритромицин генерических продуктов включала ссылку на данные возможного риска пороков развития сердечно-сосудистой системы, хотя для других генериков такая информация отсутствовала [20].

В российском исследовании показано, что доля воспроизведенных антимикробных препаратов, назначаемых в акушерско-гинекологической практике, составляет 94,5 %, а частота назначения оригинальных (брендовых) препаратов – 5,5 %. При этом из оригинальных препаратов в 100 % случаев назначался вильпрафен (джозамицин), что объясняется отсутствием генериков этого антибиотика на отечественном фармацевтическом рынке. В 36,8 % случаев назначался сумамед (азитромицин), далее по частоте назначения следовали дифлюкан (флуконазол) – 11,4 %, аугментин (амоксциллин/клавуланат) – 11,1 %, клафоран (цефотаксим) – 2,3 % и флагил (метронидазол) – 0,4 %. Наиболее назначаемыми антимикробными средствами в акушерско-гинекологической практике в РФ являются метронидазол (25,2 %), гентамицин (9,7 %), доксициклин (4,5 %) и цефазолин (4,5 %). Наибольшее число генериков (по пять) было выявлено у ципрофлоксацина и азитромицина. Наибольший относительный удельный вес среди брендированных генериков отечественного производства имеют азитромицин (75 %) и флуконазол (20,1 %) [3].

Важным вопросом рациональной фармакотерапии является доказательство идентичности оригинального препарата и генерика,

особенно, когда врачу приходится делать выбор в назначении препарата с конкретным торговым наименованием. Соответствие воспроизведенного препарата оригинальному доказывают в первую очередь на основании фармацевтической эквивалентности и БЭ. Хотя данные БЭ существуют практически для любого генерика, они редко доступны практическим врачам, при этом необходимо знать и условия его производства.

Проблема высокой стоимости лечения с использованием оригинального препарата флуконазола (дифлюкана) активно решается путем внедрения в клиническую практику более экономичных генериков. Причем существуют опасения, что наличие доказательств БЭ воспроизведенного препарата, «автоматически» не означает, что в клинической практике он окажется таким же эффективным как и оригинальный препарат [21].

В этих случаях необходимо комплексное изучение генерика, например флуконазола, когда исследование БЭ должно дополняться исследованием терапевтической эквивалентности у женщин с вагинальным кандидозом, с обязательным сопоставлением не только параметров эффективности, но и безопасности. Так, для генерика верофлуконазола продемонстрирована БЭ и терапевтическая эквивалентность оригинальному препарату у женщин с вагинальным кандидозом [4, 8].

С другой стороны, сравнительное исследование *in vitro* микологической активности дифлюкана и брендированных генериков показало у них снижение специфической активности. Отмечено, что дифлюкан убивал клетки наиболее частого возбудителя кандидоза *C. albicans* в дозе 32 мкг/мл, меофлюкон и форкан оказались в 2 раза менее активны, а микосист и флюкостат – в 4 раза [1].

Согласно результатам сходной по целям и дизайну работы по оценке свойств оригинального и воспроизведенных препаратов флуконазола *in vitro*, активность генериков флуконазола на 40–50 % уступает активности дифлюкана в отношении клинических изолятов – возбудителей вагинального кандидоза [9]. Активность *in vitro*, безусловно, коррелирует с активностью *in vivo*, что и подтверждено при лечении кожно-слизистого кандидоза у детей первых недель жизни, когда рецидивы кандидоза при использовании дифлюкана и форкана встречались реже, чем при применении меофлюкона [7].

Таким образом, генерики, терапевтическая эффективность которых ниже оригинала, теряют свое ценовое преимущество перед ним, поскольку при использовании такого воспроизведенного препарата приходится назначать его в больших дозах, с другой кратностью введения или переходить на альтернативные медикаменты в случаях клинических неудач.

Вариабельность между пациентами показателей исходов лечения может возникать из-за разницы в лекарственной экспозиции и/или фармакологическом ответе. В целом фармакологический статус женщин менее изучен, чем у мужчин, что является проблемой, заслуживающей особого внимания.

На первый план для оптимизации показателей исходов лечения пациентов, помимо основных физиологических различий, должно выходить понимание половых различий. Фармакологический ответ зависит от множества факторов, и половая принадлежность индивидуума – один из первых изучаемых факторов, оказывающих влияние на лекарственный метаболизм и действие ЛС в организме. Следовательно, дизайн клинических и доклинических исследований с целью индивидуализации фармакотерапии должен иметь подход, основанный на половых характеристиках испытуемых. Начинают появляться данные о связанных с полом специфических эффектах как на фармакокинетику (ФК), так и на безопасность и эффективность многочисленных ЛС. Тем не менее участие женщин в клинических исследованиях остается недостаточным, особенно в первые фазы испытания новых ЛС. В настоящее время растут знания о связанных с полом фармакодинамических различиях, идентифицированных на молекулярном уровне. В понимании половых различий становится очевидной роль фармакогеномики и фармакогенетики [6].

Основные элементы ФК описываются процессами абсорбции, распределения, метаболизма и экскреции ЛС (ADME; absorption, distribution, metabolism, excretion). ЛС с переменным распределением в организме с большей вероятностью демонстрируют непредсказуемый терапевтический ответ, как увеличивая риск нежелательных эффектов, так и уменьшая, нежели ожидаемый, терапевтический эффект у индивидуальных субъектов. Неудивительно, что фармакокинетическая вариабельность

в первую очередь затрагивает ЛС с узким терапевтическим индексом и/или используемых в случае угрожающих жизни заболеваний. Для всех этих ЛС клинический ответ должен рассматриваться с целью коррекции и индивидуализации режима дозирования. Там, где это сделать нельзя, перед коррекцией дозы должен проводиться терапевтический мониторинг концентрации препарата в плазме.

Хорошо известным примером половых различий процессов ADME ЛС служит более быстрое всасывание алкоголя у женщин по сравнению с мужчинами. Важно отметить, в зависимости от способа назначения ЛС пересекает несколько барьеров, что способствует уменьшению его биодоступности.

Биодоступность (F) ЛС представляет собой часть принятой внутрь дозы препарата, достигшей системного кровотока в неизменном виде и в виде активных метаболитов, образовавшихся в процессе абсорбции и в результате пресистемного метаболизма при первичном прохождении через печень. Определяется биодоступность при сравнении площадей под кривой «концентрация – время» (AUC), характеризуясь также максимальной (пиковой) концентрацией препарата в плазме (C_{max}) и временем ее достижения (T_{max}).

Исследования БЭ включают определение скорости и степени всасывания оригинального и воспроизведенного препаратов при приеме в одинаковых дозах и лекарственных формах внутрь или другими способами на основании определения концентрации в жидкостях и тканях организма. Как правило, БЭ изучается при однократном введении лекарственного препарата на 18–24 здоровых добровольцах с помощью рандомизированного перекрестного метода, когда каждый испытуемый последовательно получает исследуемый препарат (Т) и препарат сравнения (R) или наоборот (схема RT/TR). Считается, что 90 % значений AUC генерического препарата не должны выходить за пределы 80–125 % от таких же показателей для оригинального препарата. Для показателей C_{max} и C_{max}/AUC , характеризующихся большей вариабельностью, эти пределы составляют 75–133 %. При соблюдении этого условия делается вывод о БЭ препаратов.

Таким образом, возвращаясь к диспозиции ЛС в организме, основной мерой

(единицей) экспозиции БЭ является абсорбция, которая зависит от лекарственной формы и, в свою очередь, оказывает влияние на уровень препарата в плазме и AUC. При этом на показатель AUC в первую очередь оказывает влияние метаболизм препарата. Имеется главный аргумент в пользу проведения исследований БЭ исключительно с участием мужчин. Даже если в организме у мужчин и женщин основные процессы ADME ЛС изменяются по-разному, это не имеет значения, так как при тестировании БЭ сравнение двух препаратов ведется с использованием одного и того же индивидуума в качестве его/ее собственного контроля. Этот гипотетический принцип основан на допущении, что: внутрииндивидуальная вариабельность в БЭ является сходной между мужчинами и женщинами [14, 15, 17–19].

M. L. Chen и соавт. попытались ответить на вопрос: должны ли женщины быть включены в исследования БЭ и действительно ли необходима коррекция дозы ЛС у женщин относительно мужчин. Продемонстрировано, что хотя для многих ЛС половая вариабельность действительно может иметь схожесть, в отношении некоторых препаратов этого не наблюдается [11].

Авторы оценили результаты 26 исследований БЭ, поступившие в Центр оценки и исследования ЛС Управления по контролю пищевых продуктов и лекарственных препаратов (Food and Drug Administration, FDA) США, проанализировав 47 наборов данных для каждого из двух параметров: пиковой концентрации препарата в плазме C_{max} и индикатора лекарственной экспозиции AUC. Около четверти наборов данных (11/47) показали сходные значения C_{max} у мужчин и женщин. Три четверти наборов данных (33/47) свидетельствовали, что у женщин достигались более высокие значения C_{max} , чем у мужчин; а в 3/47 наборах данных наблюдались более высокие значения C_{max} у мужчин, чем у женщин. Кроме того, в статистической модели без учета массы тела в качестве параметра, 19/47 наборов данных имели фармакокинетические различия 20 % или более. Следовательно, 19 исследований продемонстрировали половое различие значения C_{max} с отождествлением препаратов как небоэквивалентных, причем в 16 исследованиях показано статистически значимое

различие. Рассматривая данные относительно AUC, также около одной четверти наборов данных (13/47) имели сходные значения у мужчин и женщин. В чуть более половине наборов данных (27/47) обнаружили, что у женщин достигались выше значения AUC, чем у мужчин, а в 7/47 – у мужчин, чем у женщин. В этой группе 18/47 наборов данных имели фармакокинетические различия 20 % или более, из которых 10 были статистически значимыми. Считается, что ответ на препарат подвержен влиянию этих двух параметров – C_{max} и AUC и различается у мужчин и женщин и, следовательно, женщины не должны быть исключены из исследований БЭ с возможно последующей корректировкой дозы ЛС.

Таким образом, в исследованиях 23 определенных ЛС, в которых БЭ была сравнена между оригинальными и генерическими препаратами у женщин и мужчин, существовала статистически разные результаты между полами в отношении пяти препаратов (22 %) относительно вариабельности AUC и в отношении четырех (18 %) – C_{max} . Ясно, что между мужчинами и женщинами существует различие в ФК некоторых ЛС.

Например, исследования БЭ алпразолама у мужчин предполагают минимальную внутрииндивидуальную вариабельность параметров ФК, означая, что для демонстрации БЭ необходимо небольшое число индивидуумов. Напротив, у женщин вариабельность параметров ФК алпразолама возрастает шестикратно и в связи с этим для большей значимости исследования БЭ требуется большая выборка.

Важно отметить, что в большинстве случаев вариабельность среди женщин наблюдается намного больше, препятствуя обобщению полученных данных БЭ от мужчин к женщинам. Равным образом имеются препараты, для которых не только вариабельность в БЭ зависит от пола, но также и сама по себе БЭ. Если рассмотреть БЭ эритромицина, то у мужчин она была на 42 % выше, чем у женщин.

Это означает, что тестируемый у мужчин генерический препарат может быть признан БЭ, однако в действительности у женщин значение фармакокинетического параметра будет достигаться на 42 % ниже, и в качестве взаимозаменяемого препарата генерик не может быть одобрен [11].

Таким образом, по современным представлениям, основными факторами при рассмотрении взаимозаменяемости инновационных и воспроизведенных лекарственных препаратов, на которые должна быть сфокусирована оценка индивидуальной БЭ, являются как внутрииндивидуальные вариативности (*intra-subject variabilities*) ФК генерика и препарата сравнения, так и взаимодействие субъекта и лекарственной формы (*subject-by-formulation interaction*) [5].

Следует отметить активное обсуждение в литературе этических вопросов генерического и терапевтического замещения, когда отсутствие доказательства различий не равноценно доказательству отсутствия различий. Подвергать пациента экспериментам по экономическим, а не клиническим мотивам несовместимо с этическим принципом его центристского

нахождения, согласно современной модели оказания медицинской помощи [13].

Перечисленные выше проблемы могут эффективно решаться с помощью инструментов клинической фармакологии, включающие прикладную фармакотерапию (нежелательные реакции ЛС и особые популяции), клиническую фармакокинетику/фармакодинамику, дизайн и симуляцию клинических испытаний, фармакогеномику, распространяясь на постмаркетинговый надзор ЛС, назначаемых целевым популяциям.

Вместе с тем разработка и использование программ минимизации риска ЛС представляет итеративный процесс, заключающий в себе оценку риска, его минимизацию и оценку эффективности для дальнейшего улучшения баланса польза/риск.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева Н. В., Выборнова И. В., Елинов Н. П. Чувствительность *Candida* species к флуконазолу и некоторых его дженериков в испытаниях *in vitro* // Пробл. мед. микологии. – 2002. – № 4 (2). – С. 43–44.
2. Давыдова К. С. Оригинальные и воспроизведенные лекарственные средства – реалии современного фармацевтического рынка // Ремедиум. – 2011. – № 2. – С. 69–70.
3. Довгань Е. В., Рафальский В. В. Применение антимикробных препаратов в акушерско-гинекологической практике в Российской Федерации: бренды vs генерики // Биомедицина. – 2010. – № 4. – С. 82–87.
4. Пикуза В. В., Чилова Р. А., Ищенко А. И. Сопоставление клинической эффективности и безопасности отечественного генерического и оригинального препаратов флуконазола у женщин с вагинальным кандидозом // Антибиотики и химиотерапия. – 2008. – № 7–8. – С. 35–38.
5. Решетько О. В., Луцевич К. А. Индивидуальная биоэквивалентность: концепция, исследование и вариативность (Обзор) // Химико-фармацевтический журнал. – 2009. – № 43 (8). – С. 3–8.
6. Решетько О. В., Луцевич К. А. Половые различия как платформа для понимания фармакологического статуса женщин // Фармакогенетика и фармакогеномика. – 2015. – № 1. – С. 4–11.
7. Самсыгина Г. А. Эффективность различных препаратов флуконазола при лечении кожно-слизистого кандидоза у детей первых недель жизни // Детский Доктор. – 2001. – № 3. – С. 40–41.
8. Семенов Н. С., Чилова Р. А., Пикуза В. В. и др. Клиническая фармакология флуконазола у женщин с вагинальным кандидозом // Врач. – 2008. – № 10. – С. 43–49.
9. Яковлева Т. А., Климова Е. А., Климова А. А. Определение активности дифлюкана и его аналогов в отношении дрожжеподобных грибов рода *Candida* // Успехи мед. микологии. – 2003. – Т. II. – С. 195–197.
10. Bjerrum L., Foged A. Patient information leaflets: helpful guidance or a source of confusion? SPCs and product monographs for the same drug // Pharmacoepidemiol Drug Saf. – 2003. – Vol. 12. – P. 55–59.
11. Chen M. L., Lee S. C., Ng M. J., et al. Pharmacokinetic analysis of bioequivalence trials: implications for sex-related issues in clinical pharmacology and biopharmaceutics // Clin. Pharmacol. Ther. – 2000. – Vol. 68. – P. 510–521.
12. Fusier I., Tollier C., Husson M. C. Infovigilance: reporting errors in official drug information sources // Pharm. World Sci. – 2005. – Vol. 27. – P. 166–169.
13. Garattini S., Bertele V. Non-inferiority trials are unethical because they disregard patients' interests // Lancet. – 2007. – Vol. 370. – P. 1875–1877.
14. Koren G. Sex dependent pharmacokinetics and bioequivalence – time for change // J. Popul. Ther. Clin. Pharmacol. – 2013. – Vol. 20 (3). – P. e358–e361.
15. Koren G., Nordeng H., MacLeod S. Gender differences in drug bioequivalence: time to rethink practices // Clin. Pharmacol. Ther. – 2013. – Vol. 93 (3). – P. 260–262.
16. Kulaga S., Zagazadeh A., Berard A. Prescriptions filled during pregnancy for drugs with the potential of fetal harm // BJOG. – 2009. – Vol. 116. – P. 1788–1795.

17. *Lalonde A. B.* Drugs indicated for use during pregnancy // *J. Popul. Ther. Clin. Pharmacol.* – 2011. – Vol. 18 (3). – P. e513–e515.
18. *Mattison D. R.* Pharmacokinetics in real life: sex and gender differences // *J. Popul. Ther. Clin. Pharmacol.* – 2013. – Vol. 20 (3). – P. e340–e349.
19. *McGilveray I. J.* Bioequivalence studies of drugs prescribed mainly for women // *J. Popul. Ther. Clin. Pharmacol.* – 2011. – Vol. 18 (3). – P. e516–e522.
20. *Widnes S. K. F., Schjott J.* Advice on drug safety in pregnancy: Are there differences between commonly used sources of information? // *Drug. Saf.* – 2008. – Vol. 31. – P. 799–806.
21. *Zonios D. I., Bennett J. E.* Update on azole antifungals // *Semin Respir Crit Care Med.* – 2008. – Vol. 29. – P. 198–210.

ПРОБИОТИКИ И ПРЕБИОТИКИ ПРИ АНТИБИОТИК-АССОЦИИРОВАННОЙ ДИАРЕЕ: ЧТО ДОКАЗАНО?

С. К. Зырянов, Ж. А. Галеева, Ю. Б. Белоусов

**Кафедра общей и клинической фармакологии РУДН;
кафедра клинической фармакологии РНИМУ им. Н. И. Пирогова**

Антибактериальные препараты являются одними из наиболее часто назначаемых лекарственных средств. Однако по данным ВОЗ, до 75 % назначаемых антибиотиков используются с нарушением указаний инструкции по их применению, что способствует повышению частоты побочных и токсических реакций, росту бактериальной резистентности, удлинению времени госпитализации, а также становится причиной назначения других лекарственных препаратов для лечения основного заболевания и устранения ятрогенных последствий неправильного выбора и применения антибактериальных препаратов.

Среди побочных реакций при применении лекарственных средств наиболее часто встречаются эффекты, обусловленные их фармакологическими свойствами при применении препарата в терапевтической дозе. В прямой зависимости от фармакологических свойств антибактериальных препаратов находится развитие дисбиоза. В результате терапии антибиотиками нарушаются нормальные экологические условия существования естественной микрофлоры организма, что зачастую приводит к появлению диареи. Частота развития антибиотик-ассоциированной диареи (ААД), по данным различных авторов, различна и может достигать 30 %. Симптомы ААД могут варьировать от легких

и самокупирующихся проявлений диареи до тяжелого варианта псевдомембранозного колита, вызванного *C. difficile*.

Как вариант ААД, псевдомембранозный колит встречается в 10–20 % случаев развития диареи, связанной с приемом антибиотиков. Среди факторов риска развития псевдомембранозного колита можно выделить пожилой возраст, госпитализацию, снижение кислотопродукции в желудке, химиотерапию, почечную недостаточность, механическую вентиляцию и операции на желудочно-кишечном тракте. Необходимо понимать, что течение псевдомембранозного колита может закончиться летальным исходом. Данные недавних исследований свидетельствуют о 2-кратном увеличении показателя летальности у пациентов с данной формой ААД в последние годы [1].

Первое использование пробиотиков для лечения пациентов с ААД описано в медицинской литературе более 100 лет назад. В настоящее время известно несколько механизмов, позволяющих объяснить их эффекты в лечении ААД. Так, показано, что назначение пробиотиков сопровождается уменьшением колонизации патогенных микроорганизмов. Продемонстрировано, что ряд пробиотиков в процессе своего роста продуцирует кислоты, что снижает рН кишечного содержимого